

P. 29605

ИЗ ФРОНТОВОЙ ЖИЗНИ

К. СИМОНОВ

Русское сердце

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
1942

РУССКОЕ СЕРДЦЕ

Капитана Позднякова хоронили утром. На взезде, покрытом зелеными северными елками, товарищи везли его в последнюю дорогу. За гробом шли летчики, свободные от дежурства, и все, кто был рядом с ним в последнем бою. Шел за гробом его друг и заместитель Алеша Хлобыстов, шел так же, как и летел, — без шлема, угрюмо опустив кудрявую голову. Привезенный из города духовой оркестр играл похоронный марш, и когда гроб опускали в могилу, то летчики не плакали, но не могли говорить. Стоя над могилой, в последний раз проводив взглядом покойного, Хлобыстов обвел всех сухими, темными от усталости и бессонницы глазами и сказал, что он, Алексей Хлобыстов, друг и заместитель погибшего, будет мстить. Потом был дан трехкратный салют из винтовок, и генерал бросил в могилу первую горсть земли.

Через час Хлобыстов уже снова дежурил у своего самолета. Стояли северные весенние дни, солнце только приближалось к горизонту, но так и не опускалось за него. Летчики дежурили круглые сутки, сидя в своих горбатых жужжащих истребителях. Спать было почти некогда. Но даже и в те немногие часы, какие оставались на сон, все эти дни Хлобыстов не мог заснуть. Он неподвижно лежал на своей койке и молча, безотрывно смотрел на соседнюю, пустую.

Во время дежурства он сидел в кабине, рассеянно поглядывая по сторонам. Глядя на соседний самолет, он вдруг вспомнил первый самолет, который он близко увидел. Это было под Москвой. На строительную площадку их завода неожиданно сел «У-2». Самолет был старенький, потрепанный, но он, тогда еще мальчишка, ощутил какую-то странную дрожь и желание немедленно влезть в эту кабину, взяться там за что-то руками, — за что, он толком не знал, — и взлететь. Да, у него еще тогда был такой харак-

тер: он любил быстро исполнять свои желания. Через полгода он уже летал в аэроклубе. Он, улыбнувшись, вдруг вспомнил всех своих старых учителей и начальников. Ему везло: они все были настоящие парни. Таким же был последний — капитан Поздняков.

Счет мести! Да, он так и сказал на могиле: счет мести за Позднякова! Он сделает его длинным. Он теперь сумеет это. Он уже не тот зеленый юнец, который 1 июля сбил первый «Юнкерс» и так разволновался, что у него поднялась температура и прямо из самолета его псуели в санчасть. Двадцать два, сбитых вместе с друзьями, и шесть собственных — это все-таки не шутка! Когда он вылезает теперь из самолета после боя, у него болят от напряжения спина и грудь, но он не волнуется. Нет, теперь он сбывает холоден и спокоен. Он влезает в свою зеленую машину, и она становится продолжением его тела, ее пушки бьют вперед, как прямой удар кулака. Да, если бы он сейчас не летал, если бы не эта машина, он бы совсем извелся от горя. Хорошая машина! Без такой нельзя жить — жить без нее для него все равно, что не дышать.

Осенью, когда он, сбив четвертый самолет, врезался в лес и, обрубая верхушки сосен, упал на землю, когда он потом лежал в госпитале с помятой грудной клеткой, ему иногда казалось, что больно дышать не от того, что разбита грудь, а от большого воздуха, — от того, что он не может сесть в машину и подняться, и там, наверху, дохнуть полной грудью. Врачи говорили, что все это наоборот, но он-то знал, что прав он, а не они. И когда однажды вечером к нему пришли и спросили: — «Хлобыстов, хочешь учиться летать на новой машине?», — он молча утвердительно закрыл глаза, потому что боялся ответить вслух: его душил кашель, он боялся, что сейчас раскашляется и ему прикажут еще лежать. Потом он отдышался и сказал: «Хочу!»

Он попал в госпиталь весь в бинтах и перевязках, без шлема и комбинезона, и теперь, когда его

выписывали и снова принесли комбинезон, его охватила дрожь, второй раз в жизни, — та самая, какая была у него, когда он впервые увидел старенький «У-2» на заводской площадке.

А через месяц он уже летал на новой машине, — вот на такой же, в какой он сидит сейчас, — с ее короткими сильными плоскостями и острым, щучьим носом.

Из-за облаков показалось солнце и желтым языком света лизнуло по левой плоскости. Он повернулся налево и невольно вспомнил, какой она была, эта плоскость, когда он вернулся в тот день из боя. От нее оставались только две трети, и там, где она была обрзана, торчали какие-то рваные лоскутья. Ребята на обратном пути спрашивали по радио: «Как идешь?» Ся отвечал: «Ничего, иду». Что же им было еще ответить? Он же в самом деле шел, сам удивлялся, но шел.

...Дежурство подходило к концу. К его самолету подошли несколько человек. Знакомый политрук из их авиационной газеты — хороший парень, но мучитель (вечно что-то ему рассказывай!) — представил Хлобыстову двух корреспондентов. Хлобыстов был недоволен и даже не особенно старался скрыть это. Лучше помолчать и подумать о будущем, чем вспоминать о прошлом. Но корреспонденты были то ли хитрецы, то ли просто свои ребята: они не стали его расспрашивать о том, как и на какой высоте он заходил в хвост, а просто начали болтать о том и о сем, и вдобавок еще один из них оказался земляком-рязанцем, из тех самых мест, где он когда-то ползал мальчишкой.

Его дежурство кончилось, и они все вместе пошли к землянке. И когда там, в землянке, разговор все-таки зашел о том дне, в который все это случилось и после которого его портреты были напечатаны во всех газетах, он снова насторожился и сухо и коротко начал еще раз, неизвестно в какой по счету, повторять обстоятельства боя. Но они остановили его. Нет, они все это уже знали сами, они не про-

сят его об этом рассказывать. Они просто хотят, если он может это вспомнить, чтобы он вспомнил, что он тогда чувствовал, как было у него на душе. Он уперся локтями в стол и опустил голову на руки. В самом деле, что он тогда чувствовал?

День был беспокойный, и он очень устал. Да, конечно, он тогда очень устал. Сначала он летал вдвоем с Поздняковым на разведку, потом еще раз на штурмовку, потом заправляли самолет. Он стоял около, и ему очень хотелось часок поспать, но надо было вылетать через четверть часа. Он слышал, как, клопоча, в баке переливался бензин. По звуку он знал, сколько уже налито. Еще пять минут — и он полетит. Подошел комиссар части и тут же, на дежурстве, у самолета, вручил ему партийный билет. И именно от того, что все было так просто, что были только он и комиссар, и рядом стояла машина и клокотал бензин и сейчас он должен был взлететь — все это вдруг показалось ему очень торжественным. Он немного заволновался и голосом несколько более глухим, чем обычно, сказал, что он будет большевиком не на словах, а на деле, а про себя подумал, что не только на земле, но и там, в воздухе. И как раз в эту секунду взлетела ракета, и он ничего больше не успел сказать, да это наверное и не было нужно. И они полетели штурмовать: Поздняков, он и четверо ребят, еще совсем молодых, — по два, по три боя у каждого.

Он очень хорошо помнит первое свое чувство, когда они увидели 28 самолетов: это было чувство, что Мурманску угрожает опасность. А то, что их было двадцать восемь, — это уже было второе чувство. Это было не страшно, но серьезно, очень серьезно.

— Смотри, сколько на нас идет, — сказал он по радио Позднякову и услышал в наушниках его голос:

— Смотри за молодыми, я иду в атаку.

И в следующую минуту они уже дрались. Один «Мессершмитт» упал после первой же атаки. В эту минуту он подумал, что теперь их двадцать семь. Потом было уже некогда думать, потому что он

больше всего боялся за молодых и, крутясь и изворачиваясь, прикрывал им хвосты. Снизу показался двухместный «Мессершмитт-110». Используя превосходство в высоте, он пошел за немцем. Он хорошо видел голову стрелка, видел прошедший мимо веер трассирующих пуль. Расстояние все сокращалось. Стрелок уронил голову и замолчал. Они шли над самой опушкой леса, впереди была сопка.

И именно в ту секунду, когда привычное желание, видя впереди гору, взять ручку на себя и вывести вверх самолет охватило его,— именно в эту секунду он решил таранить. Пойти вверх — значило выпустить немца. Он на какую-то долю секунды оглянулся. А сзади шли еще три немца. И вдруг оттого, что передний немец был так близко, оттого, что так хорошо был виден его хвост с черным крестом, оттого, что расстояние было таким точным и осязательным, он ясно и холодно подумал, что вот сейчас он окажется немного сзади и правее, поднимет правую плоскость и ударит ее концом по хвосту. Это было одно яростное желание, помноженное на скорость послушной машины. Толчок был сильный и короткий. Немец врезался в сопку, а Хлобыстов пошел вверх. И то, что правое крыло было теперь короче левого, то, что его конец был отрезан, казалось странным на взгляд. Вся плоскость немножко задралась кверху, он заметил это сразу. В эту секунду он в последний раз услышал голос командира:

— Есть один! — сказали ему наушники глуховатым и торжествующим голосом Позднякова.

Но машина была уже не так послушна, она уже не казалась продолжением рук и ног. В следующую секунду, отбиваясь от немцев, самолеты стали в круг. На несколько мгновений рассыпавшиеся после тарана немцы оправались и снова шли в атаку на лобовых курсах. Он увидел, как Поздняков пошел в прямую атаку на немецкого «асса». Потом, уже на земле, вспоминая об этом, он понял, что Поздняков тогда решил, хотя бы ценой гибели, сбить немецкого командира, рассеять их строй во что бы то ни

стало. Но в ту секунду Хлобыстов ничего не успел подумать, потому что оба истребителя сошлись на страшных скоростях, немец не захотел свернуть, и они рухнули, врезавшись друг в друга крыльями. А в следующее мгновение он уже почувствовал себя командиром. Позднякова уже не было, не было и никогда не будет, и ему, Хлобыстову, надо самому кончать этот бой.

— Я принимаю команду, — сказал он по радио пересохшими губами. — Иду в атаку, прикрывайте мне хвост.

Обоих немцев, шедших на него, он увидел сразу. Горючее кончалось, немцев было еще много, за его спиной было четверо молодых летчиков, для которых единственным командиром стал теперь он. На этот раз, решив таранить, он уже не верил, что выйдет живым. Была только одна мысль: вот он сейчас ударит, немцы рассыплются, и остальные ребята вылезут из их кольца. И снова мысли сменились десятой долей секунды холодного расчета. Он рассчитал наверняка, и, когда правый немец отвернул, он ударил по крылу левого своим разбитым крылом. Был сильный удар, он потерял управление, его потащило вниз вслед за немцем, который упал, сделав три витка. Но именно в ту секунду, когда его тащило вниз, и он инстинктивно с этим боролся, он скорее почувствовал, чем понял, что самолет еще цел, что он вытащит его. И когда он поднялся и почувствовал себя живым, у него в первый раз мелькнули в голове эти слова, которые он сказал потом на могиле Позднякова: «Счет мести». Машина кренилась и падала, он уже не вел ее, а тащил. Сбегающиеся люди, обломок крыла, комиссар, сжимавший его в объятиях, — все это уже путалось в голове, затемненной чувством страшной человеческой усталости.

Хлобыстов сидел за столом и все так же, подперев голову руками, внимательно глядя на сидящих рядом с ним, вспоминал, что у него было в те минуты на душе. Много было на душе...

Дверь в землянку открылась. Вошел кто-то из дежуривших летчиков, видимо, новый, и спросил, где свободная койка. Хлобыстов секунду помолчал и потом медленным движением руки показал на стоящую рядом с ним койку.

— Вот эта,— сказал он, и, еще помолчав, добавил:— совсем свободная.

* * *

...Полярной ночью мы улетали с Севера.

— Хлобыстов сегодня не дежурит?— спросили мы.

— Нет,— сказал комиссар.— Его здесь нет. Он в госпитале. Вчера он пошел на третий таран и, сбив немца, выбросился на парашюте. Ему не повезло вчера: его сразу ранили из пушки в руку и в ногу, и он, чувствуя, что не может долго драться, пошел на таран.

— А разве он не мог просто выйти из боя?

— Не знаю,— сказал комиссар,— не знаю. Вот скоро выздоровеет, у него спросим. Наверное, скажет, что не мог. У него такой характер: он вообще не может видеть, когда от него уходит живой немец.

Я вспомнил лицо Хлобыстова в кабине самолета, непокорную копну волос без шлема, дерзкие светлые мальчишеские глаза. И я понял, что это один из тех людей, которые иногда ошибаются, иногда без нужды рискуют, но у которых есть такое сердце, какого не найдешь нигде, кроме России.— веселое и неукротимое русское сердце.

А61484. Издательство «ПРАВДА». Цена 5 коп. Зак. 2323.

Подписано к печати 1/IX 1942 г. Тираж 1 000 000.

Типогр. газ. «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.